

На правах рукописи

Ондар

Ондар Чойган Геннадиевич

**ПАРАДИГМАТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМУ МАРКИРОВАНИЮ
ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ
В ТУВИНСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Новосибирск
2022

Работа выполнена в Секторе языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научные руководители: Мальцева Алла Александровна, кандидат филологических наук; Кошкарёва Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая Сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Официальные оппоненты:

Данилова Надежда Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск);

Чугунекова Алена Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан).

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (г. Москва).

Защита состоится 16 сентября 2022 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Почтовый адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

Тел.: (383) 330 84 69, факс: (383) 330 15 18

Электронный адрес: dissovet_d_003.040.01@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8).

Полный текст диссертации доступен по адресу:
<https://www.philology.nsc.ru/dissovet/2022/Dissertazija-Ondar.pdf>.

Автореферат разослан «17» июля 2022 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О. Ю. Шагдурова

Общая характеристика работы

Настоящее исследование посвящено комплексному изучению вариативности падежного маркирования прямого дополнения в тувинском языке в сопоставлении с хакасским языком.

Согласно генеалогическим классификациям тюркских языков, тувинский и хакасский языки являются близкородственными. По классификации Н. А. Баскакова тувинский язык относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе уйгурской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков; хакасский язык также относится к уйгурской группе восточно-хуннской ветви, внутри которой вместе с камасинским, чулымским, шорским, сары-уйгурским языками и северными диалектами алтайского языка (кумандинским, чалканским и тубаларским) образует особую хакасскую подгруппу [Баскаков 1952: 131, 132]. По общей генеалогической классификации тувинский и хакасский языки относятся к сибирской группе тюркской семьи алтайской макросемьи языков [Бурлак, Старостин 2001: 180]. Однако не все тюркологи разделяют эту точку зрения, например, М. Т. Дьячок отделяет чувашский, якутский с долганским и тувинский с тофаларским от всей остальной западной подгруппы тюркских языков, куда входит и хакасский язык [Дьячок 2001: 14–16].

По классификации типов тюркского склонения Г. Ф. Благовой именная парадигма тувинского языка относится к уйгуро-кыпчакскому типу склонения [Благова 1982: 51], а именная парадигма хакасского языка – к кыпчакскому типу склонения [Там же: 47].

Начало изучению тувинского языка положили работы знаменитых ученых Н. Ф. Катанова [1903] и В. В. Радлова [1907]. С тех пор тувинский язык является объектом исследования многих выдающихся ученых-тюркологов: С. Е. Малова [1941], Ф. Г. Исхакова [1957, 1961], Н. А. Баскакова [1959], Ш. Ч. Сата [1955, 1973, 1980, 1983], К. Х. Оргу [1960], А. А. Пальмбаха [1961], Д. А. Монгуша [1963], А. Ч. Кунаа [1970], Е. Б. Салзынмаа [1980], К. А. Бичелдей [1985, 2002], Л. А. Шаминой [1985, 2004], Б. И. Татаринцева [1987], М. В. Бавуу-Сюрюн [1988, 2018], Б. Ч. Ооржак [2019] и др.

Хакасский язык изучался такими учеными, как Н. Ф. Катанов [1903], Н. П. Дыренкова [1948], М. И. Боргояков [1961, 1976], Д. Ф. Патачакова [1966, 1973, 1980], Н. А. Баскаков [1975], В. Г. Карпов [1995, 2007], Т. Н. Боргоякова [2002] и др.

На материале тувинского языка проблема вариативного маркирования прямого дополнения кратко описана авторами «Грамматики тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах 1961], в коллективной монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986], в статьях В. А. Муравьевой [Muravyova 1992] и Н. Ч. Серээдар [2009], в сопоставлении с уральскими языками – в работах Н. В. Сердобольской [2000, 2002], на материале хакасского языка – главным образом в монографии М. И. Боргоякова «Развитие падежных форм и их значений

в хакасском языке» [1976], эта тема освещалась также в грамматиках хакасского языка [Дыренкова 1948; Грамматика хакасского языка 1975].

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема вариативного маркирования прямого дополнения в урало-алтайских языках имеет важное значение для описания функциональных аспектов падежной системы. Как показывают результаты обширных типологических исследований, проводимых в последние десятилетия [Aissen 2003; Haspelmath 2005; de Swart 2007; Ноор, Malchukov 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Толдова, Сердобольская 2012; и др.], факторы, ограничивающие выбор того или иного падежного оформления прямого дополнения, могут быть абсолютными или в различной степени вероятностными. Поэтому необходимо детальное изучение вариантов маркирования прямого дополнения на материале конкретных языков. Важным является также сопоставительное изучение системы вариативного маркирования прямого дополнения в тувинском языке с другими родственными и неродственными языками, что позволит выявить в тувинском языке множество неописанных семантических, синтаксических и прагматических особенностей и включить эти данные в общую типологическую картину.

Объектом исследования является вариативное падежное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

Предмет – парадигматические и синтагматические факторы, влияющие на дифференцированное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

Цель данного исследования состоит в сопоставлении комплекса парадигматических и синтагматических факторов, влияющих на выбор падежного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

В соответствии с целью сформулированы следующие **задачи**:

1) создать фонд синтаксических единиц, включающий предложения с прямым дополнением из текстов на тувинском и хакасском языках разных жанров и периодов;

2) проанализировать имеющуюся теоретическую и типологическую лингвистическую литературу по теме диссертационного исследования;

3) выявить зависимость вариативности маркирования прямого дополнения от парадигматических факторов;

4) установить зависимость вариативности маркирования прямого дополнения от синтагматических факторов;

5) сопоставить механизмы дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках, выявить черты сходства и различия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выбор падежного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках зависит от комплекса факторов парадигматического и синтагматического характера, связанных с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями языка.

2. С парадигматической точки зрения аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках служит для устранения различных типов синтаксической омонимии во избежание двусмысленности высказывания. Основой омонимичности могут быть формальное, лексико-грамматическое, семантическое, семантико-прагматическое и позиционное сходство между прямым дополнением и другими членами предложения.

3. С синтагматической точки зрения аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках служит для установления синтагматических отношений между компонентами структуры глагольной и именной синтагмы:

а) стандартный порядок слов в предложении однозначно определяет синтагматические отношения между компонентами синтаксической и коммуникативной структуры высказывания, благодаря чему эксплицитного маркирования прямого дополнения не требуется;

б) если между прямым дополнением и сказуемым образуется коммуникативная дистанция, возникает необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между ними;

в) аккузативное маркирование прямого дополнения зависит также от характера синтагматических отношений между компонентами именной группы, выступающей в позиции прямого дополнения.

4. В целом явление дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках вписывается в единую объяснительную модель. Различия являются незначительными и не касаются основополагающих принципов:

а) в тувинском языке аккузативным маркированием прямого дополнения более последовательно устраняется синтаксическая омонимия в паре «наречие – существительное», в хакасском языке такая неоднозначность допускается;

б) в тувинском языке вопросительное местоимения *чуу?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения оформляется только аккузативом, что связано с коммуникативными факторами, а в хакасском языке вопросительное местоимение *нине?* ‘что?’ принимает форму номинатива, что связано с влиянием категории одушевленности / неодушевленности;

в) в тувинском языке частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом. Вариант с аккузативным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия, в хакасском языке такие случаи не встречаются.

Новизна работы заключается в том, что впервые проведено комплексное исследование проблемы выбора падежного маркирования прямого дополнения в тувинском языке в сопоставлении с хакасским и выстроена общая система релевантных факторов парадигматической и синтагматической природы. В работе показано, что главными факторами, определяющими выбор падежного маркирования прямого дополнения, являются актуальное членение высказывания и устранение синтаксической омонимии. Данное исследо-

вание существенно дополняет имеющиеся данные о вариативном маркировании прямого дополнения в тюркских языках и показывает более полную картину явления благодаря привлечению большого фактического материала.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области дифференцированного маркирования прямого дополнения в языках мира [Bossong 1985; Comrie 1989; Aissen 2003; Primus 1999, 2007; Maltseva 2000; Koshkareva 2005; de Swart 2007; Hoop, Malchukov 2008; Толдова, Сердобольская 2012; Сердобольская 2019]; исследования данной темы на материале тюркских языков: турецкого [Grønbech 1936; Johanson 1977; Nilsson 1978; Enç 1991; Kornfilt 2008], киргизского [Батманов 1938], хакасского [Боргояков 1976], башкирского [Тикеев 2000], татарского [Лютикова 2014; Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015], узбекского [von Heusinger, Klein, de Swart 2008], уйгурского [Diesing 1992; Asarina 2011], якутского [Артемьев 1999; Убрятова 2006; Baker, Vinokurova 2010; Levin, Preminger 2014] и др.

Теоретическая значимость данной работы заключается в комплексном анализе факторов, влияющих на выбор падежной формы прямого дополнения в тувинском языке. Результаты изучения тувинской модели вариативного маркирования прямого дополнения могут быть использованы в теоретических и типологических исследованиях проблем дифференцированного маркирования прямого дополнения, актуального членения предложения, а также в дальнейшем исследовании падежной системы тувинского и других тюркских языков.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут дополнить и уточнить грамматические описания тувинского языка. Данная работа позволяет обогатить теоретическим и практическим материалом учебные курсы по типологии, по теории дифференциального маркирования прямого дополнения, а также может быть использована для составления и издания учебно-методической литературы по тувинскому языку для учебных заведений разного уровня.

Фактическим материалом для проведения исследования тувинского языка послужила сбалансированная база данных, включающая 3200 предложений, соответствующих структурной модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Acc}} V_f\}$, в которых представлено около 4800 примеров употребления прямых дополнений из стилистически разнородных текстов: по 800 предложений извлечено из текстов прозы (романы, повести, рассказы) на тувинском языке, из пьес в качестве иллюстрации разговорного стиля, фольклорных произведений и публицистической литературы (очерков, газетных статей). Источниками для исследования на хакасском языке послужили 1760 предложений, в которых насчитывается 2025 примеров употребления прямого дополнения из стилистически разных текстов – прозаических, фольклорных, публицистических, бытовых. Использовались не только письменные тексты на хакасском языке, но и проводились консультации с носителями языка. В качестве информантов мы привлекали 5 носителей литературного хакасского языка, из которых 1 муж-

чина, 4 женщины, в возрасте от 34 до 45 лет, имеющие высшее образование, проживающие в г. Абакан и в Аскизском районе Республики Хакасия.

Для сопоставления с хакасским языком привлекались работы М. И. Боргоякова [1976] и Р. Г. Киргинекова [2011], а также материалы по другим языкам: уральской семьи – по работам С. Ю. Толдовой и Н. В. Сердобольской [2002; 2012; 2019], калмыцкого языка – из работ М. Б. Коношенко [2007; 2009], тюркских языков: турецкого – из работ Л. Йохансона [1977], татарского – из работ Е. А. Лютиковой [2014; 2016], П. В. Гращенкова [2002], якутского – по работе Е. И. Убрятовой [2006], башкирского – из дипломной работы А. Р. Гарейшиной [2013] и др.

Методы сбора и анализа материала. Сбор материала проводился методом сплошной выборки предложений, которые содержат прямое дополнение. Из каждого текста было выписано равное количество предложений. Для анализа материала использованы описательный, статистический, сравнительный, сопоставительный методы, компонентный анализ, а также многофакторный подход к анализу условий, определяющих дифференцированное маркирование прямого дополнения.

Апробация и публикация результатов. Результаты исследования и основные положения были изложены в виде докладов на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс» (г. Новосибирск, 2011–2012 гг.), на I-й международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» (г. Кызыл, 28 июня – 2 июля 2012 г.), на VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 15–17 апреля 2021 г.), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» (г. Новосибирск, 11–15 октября 2021 г.) и на Казанском международном лингвистическом саммите (г. Казань, 15–19 ноября 2021 г.). Результаты исследования опубликованы в 9 статьях (общий объем 5,66 п. л.), 3 из них – в рецензируемых научных журналах из списка ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, которые также входят в международные базы данных Web of Science и Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, которая включает три главы, заключения, списка литературы (215 ед.), списка источников и списка условных сокращений и обозначений.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна работы, определены объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, сформулированы положения, выносимые на защиту, охарактеризованы источники материала, на котором проводилось исследование, методы сбора и анализа материала.

Глава I «Дифференцированное маркирование прямого дополнения как объект лингвистического изучения» включает пять разделов.

В первом разделе «Краткая характеристика основных падежных концепций» дан обзор четырех типов (морфологический, синтаксический, семантический и функциональный) падежных концепций, раскрывающих с разных точек зрения суть категории падежа.

Во втором разделе «Прямое дополнение как член предложения» представлено описание прямого дополнения как обязательного компонента модели элементарного простого предложения $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Acc}} V_f\}$ и даны основные лексико-семантические группы и подгруппы предикатов данной модели.

В третьем разделе «Описание проблемы дифференцированного маркирования прямого дополнения в лингвистической теории и типологии» проанализированы современные подходы к исследованию дифференцированного маркирования прямого дополнения в литературе по лингвистической типологии. Раскрывается суть дифференцированного маркирования прямого дополнения и приводится описание наиболее значимых факторов, определяющих дифференцированное маркирование прямого дополнения в языках мира: одушевленность, референциальный статус, актуальное членение предложения, свойства глагольной предикации, порядок слов.

В четвертом разделе приводится анализ литературы по тюркским языкам, посвященной изучению дифференцированного маркирования прямого дополнения, в том числе на материале тувинского и хакасского языков. В тюркологии выбор маркирования прямого дополнения связывается со следующими факторами:

1) в первую очередь, с категорией определенности / неопределенности: именные группы, имеющие определенный референциальный статус, оформляются аккузативом, а неопределенные – номинативом [Казем-бек 1849; Майзель 1957; Nilsson 1978; и др.];

2) с отношениями между глаголом и дополнением: если дополнение сливается с глаголом-сказуемым, то оно не получает эксплицитного оформления, если же действие и объект четко разграничиваются, то аккузативное оформление обязательно [Тыбыкова 1985; Убрятова 2006; Муравьева 2008; и др.];

3) с порядком слов в предложении: прямое дополнение в номинативе употребляется только в позиции непосредственно перед сказуемым, если между ними оказывается какой-нибудь другой член предложения, то аккузативное оформление обязательно [Исхаков, Пальмбах 1961; и др.];

4) с коммуникативной структурой высказывания: если прямое дополнение находится в теме высказывания, то оно всегда оформляется аккузативом, если прямое дополнение само является ремой или находится в реме вместе со сказуемым, то эксплицитного падежного оформления оно не получает [Johanson 1977; Muravyova 1992];

5) с дискурсивной значимостью именной группы: аккузативное оформление получают протагонисты дискурса при первом упоминании в тексте [Толдова, Сердобольская 2002];

б) со структурным типом именной группы: падежное оформление прямого дополнения опирается на оппозицию двух структурных типов именной группы – максимальных именных проекций (именные группы с генитивным зависимым) и именных групп малой структуры (существительное с разнообразными определениями, кроме генитивного посессора) [Лютикова 2014].

В пятом разделе обосновано применение в данной работе парадигматико-синтагматического подхода к дифференцированному маркированию прямого дополнения. Мы предполагаем, что дифференцированное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском (шире в тюркских) языках имеет парадигматико-синтагматическое объяснение. Парадигматическое объяснение включает случаи устранения неоднозначности между прямым дополнением и другими членами предложения (не только с подлежащим), а синтагматическое объяснение охватывает случаи установления отношений между компонентами синтагмы, входящей в высказывания различной синтаксической и коммуникативной структуры.

С позиций парадигматического подхода дифференцированное маркирование прямого дополнения служит для устранения «омонимии» подлежащего и прямого дополнения: в естественных языках определённые грамматические отношения имеют тенденцию характеризоваться определёнными признаками, подлежащее обычно бывает определённым, одушевлённым и топикализированным, прямые дополнения – неопределёнными, неодушевлёнными и рематическими [Comrie 1989: 19]. Таким образом, эксплицитное падежное оформление получают такие прямые дополнения, которые в большей степени напоминают подлежащее, чтобы избежать неоднозначности [Aissen 2003; de Swart 2003; Primus 2007; Hoop, Malchukov 2008].

К синтагматическому подходу могут быть отнесены попытки теоретического объяснения дифференцированного маркирования объекта через теории согласования [Nichols 1986; Chomsky 2001]: выбор падежной формы зависит от отношений согласования, в которое вступают именные группы и вершина. Дифференцированное маркирование прямого дополнения рассматривается с точки зрения необходимости или отсутствия необходимости маркировки синтаксических отношений между прямым дополнением и сказуемым [Муравьева 2008; Baker, Vinokurova 2010], между компонентами именной группы, находящейся в позиции прямого дополнения [Лютикова 2014]. К этому подходу мы также относим объяснение через влияние актуального членения предложения [Johanson 1977; Muravyova 1992; Dalrymple, Nikolaeva 2011].

Глава II «Парадигматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках» включает два раздела, где описываются парадигматические факторы, влияющие на аккузативное маркирование прямого дополнения в этих языках.

В первом разделе дается определение и типы синтаксической омонимии. При определении синтаксической омонимии мы исходим из ее широкого понимания: это случаи, «когда в одном предложении можем по-разному выделить или грамматически по-разному проинтерпретировать члены предложения и/или по-разному установить или проинтерпретировать синтаксиче-

ские связи между ними» [Муравенко 2006: 153]. Основываясь на таком понимании, предлагается условное деление всех возможных случаев синтаксической омонимии, устраняемых аккузативным маркированием прямого дополнения, на пять разновидностей: 1) лексико-синтаксическая омонимия; 2) лексико-грамматическая омонимия; 3) семантическая омонимия; 4) семантико-прагматическая омонимия; 5) позиционная омонимия.

Во **втором разделе** раскрывается суть и механизмы устранения данных видов омонимии.

Прямое дополнение обязательно получает аккузативное маркирование при полной формальной омонимии подлежащего и прямого дополнения, которую мы называли *лексико-синтаксической*.

(1) тув. *Кижѝ боду-ла анаа олурза, кижѝ кѝжинѝ канчаарыл?* [Бюрбю 2012: 461]

кижи=∅	бод=у-ла	анаа	олур=за	кижи=∅
человек=NOM	сам=POSS.3-PRTCL	просто	сидеть=COND	человек=NOM
кижи=ни	канча=ар=ыл			
человек=АСС	что делать=PrP=Q			

‘Если человек сам не напрашивается, что человек сделает человеку?’

(2) хак. *Kizî kizîni ödir salar (полар) ни?* (ПМА)

kizî=∅	kizî=ni	ödir	сал=ар	ни
человек=NOM	человек=АСС	убивать	AUX:класть=PrP.3Sg	Q

‘Неужели человек убьет человека?’

Обязательное аккузативное маркирование прямого дополнения служит устранению синтаксической омонимии, когда речь идет о разграничении имени и его *лексико-грамматических* вариантов в высказывании, которые по частеречной принадлежности могут быть причастием, наречием, числительным, прилагательным, адъективным или адвербиальным местоимением, служебными словами.

(3) тув. *База бирээни ишкеш, база өргүп каан.* [Кудажы 1965: 5]

база	бирээ=ни	иш=кеш	база	өргү=п	ка=ан
еще	один=АСС	пить=CV	еще	подносить=CV	AUX=PP

‘Выпив еще одну, также поднес.’

(4) хак. *Колхоз пўт парзох, Сойан пасханы пўдирербис тинче.* [Хулғалар 1991: 27]

колхоз=∅	пўт	пар=з=ох	Сойан
колхоз=NOM	строить	AUX:идти=COND=PRTCL	Сойан
пасха=ны	пўдир=ер=бис	ti=пче	
другой=АСС	строить=PrP=1PL	говорить=PRES	

‘Как только колхоз отстроится, Сойан говорит, [что мы] другой построим.’

(5) тув. *Эртен кайыны барып дилээр деп тур сен, Өскүс-оол?* [Тувинские народные сказки 1994: 260]

эртен кайы=ны бар=ып дилэ=эр де=п тур=Ø
 завтра где=ACC идти=CV искать=PP сказать=CV AUX:стоять=PRES
 сен Өскүс-оол=Ø
 2Sg Pers=NOM
 ‘Где ты думаешь завтра искать, Оскюс-оол?’

(6) хак. *Чох, – тидір иней, – нинчені дее пирзе, садарга чарабас.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 24]

чох ти=дир иней=Ø нинче=ні дее
 нет говорить=PrP бабушка=NOM сколько=ACC PRTCL
 пир=зе сад=арга чарабас
 давать=COND продавать=INF нельзя
 ‘Нет, – говорит бабушка, – хоть сколько даст, продать нельзя.’

Различия в исследуемых языках состоит в маркировании прямого дополнения при синтаксической омонимии в лексико-грамматической паре «наречие – существительное». Тувинский язык более последовательно устраняет такой тип омонимии. В хакасском языке подобная неоднозначность допускается.

(7) тув. *Мен база шынын чугааладым.* [Кудажы 1965: 36]

мен=Ø база шын=ы=н чугаала=ды=м
 я=NOM тоже правда=POSS.3=ACC говорить=PAST=1Sg
 ‘Я тоже сказал правду.’

(8) хак. *Хызамас сын чоохтапча.* [Хулғалар 1991: 12]

Хызамас=Ø сын=Ø / сын чоохта=пча
 Pers=NOM правда=NOM / правдиво говорить=PRES.3Sg
 ‘Хызамас говорит правду / *Хызамас говорит правдиво.’

Основанием «омонимичного прочтения» подлежащего и прямого дополнения может быть семантическое сходство. В высказывании объект-пациенс может иметь таксономические признаки субъекта-агенса, что может привести к неоднозначной интерпретации высказывания. Одной из таких сем, создающих омонимичность субъекта-агенса и объекта-пациенса, является одушевленность.

Нарицательные имена существительные, обозначающие людей, почти всегда получают аккузативное оформление в тех случаях, когда есть необходимость устранения неоднозначной трактовки высказывания, связанная с одушевленностью референта именной группы. Например, если в примере (9) убрать аккузативное маркирование именной группы *тывалар* ‘тувинцы’, то суть высказывания кардинально изменится: получится, что начали убивать тувинцы, а не наоборот.

(9) тув. *Ынаар Хемчикте тываларны өлүрүп эгелей берген дидир.* [Бюрбю 1973: 548]

ынаар Хемчик=те **тыва=лар=ны** өлүр=үп эгеле=й
там Хемчик=LOC **тувинец=PL=ACC** убивать=CV начать=CV
бер=ген ди=дир
AUX:давать=PP говорить=PrP

‘Поговаривают, что в Хемчике начали убивать тувинцев.’

(10) хак. *Ол хакастарны пір дее көрбеең полған.* [Доможаков 1975: 23]

ол=Ø **хакас=тар=ны** пір дее көр=беең пол=ған
она=NOM **хакас=PL=ACC** никогда видеть=PP.NEG AUX:быть=PP

‘Она никогда не видела хакасов.’

Роль фактора одушевленности, как и практически всех факторов, определяющих дифференцированное маркирование объекта, не носит абсолютно-го характера, т. е. не все именные группы, обозначающие людей, в позиции прямого дополнения получают аккузативное маркирование, что обусловлено тем, что не всегда возникает такая неоднозначность.

Дифференцированное маркирование одушевленных и неодушевленных именных групп в позиции прямого дополнения в целом соответствует иерархии одушевленности: именные группы, референты которых занимают в иерархии одушевленности более высокие позиции, получают аккузативное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются чаще немаркированными.

тув.: Имена, обозначающие людей (80%) > Одушевленные имена (51%) > Неодушевленные имена (41%).

хак.: Имена, обозначающие людей (82%) > Одушевленные имена (58%) > Неодушевленные имена (39%).

Аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках не является средством указания на одушевленность (или личность) референта именной группы, а немаркированность не связана с неодушевленностью (или неличностью) референта именной группы непосредственно. Роль одушевленности для дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках можно объяснить только через его отношение к стратегии различения субъекта и объекта для предотвращения потенциальной омонимии и двусмысленности высказывания.

Фактором неодушевленности также объясняется обязательное употребление хакасского вопросительного местоимения *ниме?* ‘что?’, отсылающее к классу имен, обозначающих не-личности (пример 11).

(11) хак. *Ниме ырлап пирим?* [Хулғалар 1991: 10]

ниме=Ø ырла=п пир=им
что=NOM петь=CV AUX:давать=PrP.1Sg

‘Что мне спеть?’

Кроме «врожденных» семантических признаков, основой омонимичности подлежащего и прямого дополнения могут быть *семанτικο-прагматические* признаки.

«Топикальность, понимаемая как закреплённая на уровне грамматики (средствами порядка слов и/или иных маркеров) устойчивая связь между синтаксической позицией и коммуникативным статусом темы, признаётся одним из подлежащих свойств» [Циммерлинг 2019: 349]. Каноническое подлежащее обычно топиально, но нет запрета на несоответствие подлежащего со статусом темы, т. е. допускаются употребления в позиции ремы, хотя в статистически преобладающем случае имеют статус темы [Там же].

Ю. А. Ландер пишет, что «чем выше пациенс в иерархиях топиальности, тем скорее он будет маркирован как таковой», и объясняет это тем, что здесь нарушаются ожидания: «необходимо специально маркировать функцию, поскольку ожидается, наоборот, более типичная функция агенса» [Ландер 2016: 22].

Топикальность может быть и парадигматической, т. е. некоторые именные группы имеют внутренние свойства, определяющие ее потенциальный топиальный статус в высказывании. К таким классам слов отнесены личные, указательные, определительные, вопросительные местоимения (в тувинском языке) и имена собственные. Когда они употребляются в позиции прямого дополнения, то должны получать эксплицитное маркирование как «подлежащеподобные» именные группы во избежание синтаксической неоднозначности.

(12) тув. *Мени өлүрбейн көр.* [Тувинские народные сказки 1994: 252]

ме=ни өлүр=бейн көр=Ø
я=АСС убивать=NEG.CV AUX:смотреть=IMP.2Sg
'Пожалуйста, не убивай меня'.

(13) хак. *Галя пісті кірлеп салбас.* [Киргинеков 2011: 36]

Галя=Ø піс=ті кірле=п сал=бас
Pers=NOM мы=АСС марать=CV AUX:класть=PrP.NEG
'Галя нас не запятнает.'

В тувинском языке в позиции прямого дополнения вопросительное местоимение *чүү?* 'что?' требует обязательного аккузативного маркирования, аналог которого в хакасском языке в этой же позиции не маркируется. Местоимение *чүү?* 'что?' в позиции прямого дополнения в наших материалах встретилось 35 раз, и во всех случаях без исключения оно стоит в аккузативе.

(14) тув. *Чүнү дүжедиң?* [Тыва улустун тоолдары 2012: 27]

чү=нү дүже=ди=ң
что=АСС видеть сон=PAST=2Sg
'Что тебе снилось?'

Мы предлагаем этому следующее объяснение. Коммуникативная специфика вопросительных предложений состоит в выяснении неизвестной информации. Если говорить о предложениях с вопросительными местоимениями, то содержание предложения актуализирует информацию о том, что выражается вопросительным местоимением. Вопросительное местоимение выражает нечто неизвестное, а вся остальная часть высказывания является комментарием к предмету вопроса. Таким образом, основной причиной обязательного аккузативного маркирования данного вопросительного местоимения и других местоимений этого класса мы считаем признак топикальности.

Далее рассматривается референциальный статус именной группы, который представляется одним из главных факторов, влияющих на выбор способа маркирования прямого дополнения.

Таблица 1

**Маркированность прямого дополнения
и референциальный статус именной группы**

Маркер	Референциальный статус именной группы					
	Определенные		Неопределенные референтные		Нереферентные	
	Тув.	Хак.	Тув.	Хак.	Тув.	Хак.
ACC	96% (3270)	97% (1265)	39% (332)	41% (175)	29% (90)	38% (80)
NOM	4% (131)	3% (45)	61% (519)	59% (250)	71% (220)	62% (130)

В табл. 1 показано выражения прямого дополнения номинативом или аккузативом в зависимости от определенности / неопределенности и референтности именной группы.

«Именной группе со статусом определенности соответствует презумпция существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего» [Падучева 2010: 87]. Как видно из табл. 1, определенные именные группы почти всегда получают аккузативное маркирование.

(15) тув. *Дүрген, аътты ал!* [Кудажы 1965: 7]

дүрген **аът=ты** ал=Ø
быстро **лошадь=ACC** братъ=IMP.2Sg
'Быстро, бери лошадь!'

(16) хак. *Стол кистінде одырган аалчылар инейекті чөптепчелер.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 25]

стол=Ø кистінде одыр=ған аалчы=лар=Ø **инейек=гі**
стол=NOM позади сидеть=PP гость=PL=NOM **бабушка=ACC**
чөпте=пче=лер
уговаривать=PRES=3PL
'Сидевшие за столом гости уговаривают бабушку.'

Однако есть некоторые случаи, когда прямое дополнение с определенным референциальным статусом не получает аккузативного маркирования. Большого внимания требуют случаи аккузативного маркирования неопределенных и нереферентных именных групп. Согласно количественным данным, представленным в табл. 1, в тувинском и хакасском языках неопределенные и нереферентные именные группы оформляются и аккузативом, и номинативом, чего не может быть, если следовать логике: определенные – маркируются, неопределенные – не маркируются. Это более подробно рассматривается в следующей главе.

С одной стороны, в тувинском и хакасском языках дифференцированное маркирование определенных и неопределенных именных групп в позиции прямого дополнения подчиняется типологической иерархии определенности: именные группы, референты которых занимают более высокие позиции в иерархии определенности, более вероятно получают аккузативное маркирование, в то время как неопределенные объекты остаются чаще немаркированными:

тув. Определенные (96 %) > Неопределенные референтные (39 %) > Нереферентные именные группы (29 %).

хак. Определенные (97 %) > Неопределенные референтные (41 %) > Нереферентные именные группы (38 %).

С другой стороны, количественный анализ показал, что определенные именные группы в позиции прямого дополнения иногда употребляются в номинативе, а неопределенная референтная и нереферентная именные группы – в аккузативе, что связано с их топикальным коммуникативным статусом. Поэтому в целом определенность референта именной группы в тувинском и хакасском языках не является признаком подлежащего, который влияет на маркирование прямого дополнения. И поскольку между определенностью и топикальным статусом есть очевидная обусловленность, высокий процент аккузативного маркирования определенных именных групп можно связать с влиянием признака топикальности.

Если прямое дополнение стоит в абсолютном начале предложения, где при стандартном порядке слов находится подлежащее, то это обуславливает *позиционную омонимию* между ними. Суть позиционной омонимии заключается в том, что при изменении базового порядка слов возможны различные перестановки, которые чаще приводят к неоднозначности синтактико-семантической роли некоторых членов предложения, в частности подлежащее и прямое дополнение могут занять позиции друг друга, тогда прямое дополнение обязательно получает аккузативное маркирование {O_{ACC} S_{NOM} V}.

(17) тув. *Өскүс-оолду кадайы ине кылдыр хуулдуруп алгаи, дааранып олурган*
[Тувинские народные сказки 1994: 258]

Өскүс-оол=ду	кадай=ы=Ø	ине=Ø	кылдыр	хуулдур=уп
Pers=ACC	жена=POSS.3=NOM	иголка=NOM	POSTP	превращать=CV

ал=гаш дааран=ып олур=ган
 AUX:братъ=CV шить=CV сидеть=PP

‘Превратив Оскюс-оола в иголку, его жена сама сидела и шила.’

(18) хак. *Чаачыны пасхазы даа матап көрген.* [Бурнаков 1987: 8]

чаачы=ны пасха=зы=Ø даа матап көр=ген
 воин=ACC другой=POSS.3=NOM PRTCL сильно смотреть=PP

‘Другие тоже рассматривали воина.’

Глава III «Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках» посвящена описанию синтагматических факторов, определяющих выбор падежного маркирования прямого дополнения.

В первом разделе «Синтагматические отношения на уровне предложений и глагольной синтагмы» устанавливаются отношения между компонентами глагольной синтагмы, входящей в высказывания различной синтаксической и коммуникативной структуры.

В обоих рассматриваемых языках порядок слов в целом ожидаемо соответствует модели SOV (табл. 2).

Таблица 2

Порядок расположения основных компонентов линейной структуры модели с переходными глаголами

Язык	Порядок расположения основных компонентов					
	SOV	OSV	SVO	VOS	OVS	VSO
Тувинский	95,3 % 2922 ед.	4,4 % 134 ед.	0,3 % 11 ед.	–	–	–
Хакасский	91 % 1583 ед.	5,8 % 100 ед.	2,2 % 39 ед.	0,6 % 11 ед.	~0,2 % 3 ед.	~0,2 % 4 ед.

В нейтральных высказываниях синтагматические отношения между компонентами определяются, прежде всего, порядком слов. Между стандартным порядком слов и базовой коммуникативной структурой предложения наблюдаются определенные соответствия. Первую позицию занимает тематическое подлежащее, сказуемое стоит на последнем месте, прямое дополнение является компонентом сказуемостной группы и находится непосредственно перед сказуемым, образуя вместе с ним рему высказывания. Соответственно, в тюркских языках порядок компонентов [S]_{Тема} [OV]_{Рема} является коммуникативно нейтральным.

В таких конструкциях референт прямого дополнения имеет в основном нереферентный или неопределенный референциальный статус:

(19) тув. *Кызыл-оол харыы бербээн.* [Кудажы 2002: 9]

Кызыл-оол=Ø харыы=Ø бер=бээн
 Pers=NOM ответ=NOM давать=PP.NEG

‘Кызыл-оол не ответил.’

(20) хак. *Хараа Ир Тохчын түс түзепче.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 30]

Хараа Ир Тохчын=Ø түс=Ø түзе=пче
 Pers=NOM сон=NOM видеть сон=PRES
 ‘Хараа Ир Тохчын сон видит.’

Однако есть случаи, когда немаркированное прямое дополнение имеет определенный референциальный статус.

(21) тув. *Эрес харыы номчааш, чиктиг бодаан.* [Кудажы 1965: 26]

Эрес=Ø харыы=Ø номча=аш чиктиг бода=ан
 Pers=NOM ответ=NOM читать=CV странно думать=PP
 ‘Эрес, прочитав ответ, странно подумал.’

(22) хак. *Сынап көріңер, – апсах хоостаан хаңза сунча.* [Доможаков 1975: 23]

сын=ап көр=іңер апсах=Ø хооста=ан
 пробовать=CV AUX:смотреть=IMP.2PL старик=NOM украшать=PP
 хаңза=Ø сун=ча
 трубка=NOM протягивать=PRES
 ‘Попробуйте, – старик протягивает украшенную трубку’.

Кроме того, если прямое дополнение стоит непосредственно перед сказуемым и является фокусом ремы, сказуемое остается характеризующей частью ремы. Поэтому линейная и коммуникативная целостность глагольной синтагмы в целом сохраняется и прямое дополнение не получает аккузативного маркирования.

В тувинском языке достаточно частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом. Вариант с аккузативным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия. Говорящему важно, чтобы его слова не прозвучали шаблонно и банально. Если для тувинского языка это обычная практика, то для хакасского такие случаи нехарактерны (по крайней мере, по словам информантов, непривычны).

(23) тув. *Чуртталгаңарга аас-кежикти күзедим.* [Кудажы 1965: 33]

чуртталга=ңар=га аас-кежик=ти күзе=ди=м
 народ=POSS/2PL=DAT счастье=ACC желать=PAST=1Sg
 ‘Вашей жизни желаю счастья.’

(24) хак. *Прайзына часка алганчам.* [«Хабар», Хабарлар, 18.02.2022]

прай=зын=а часка=Ø алга=пча=м
 все=POSS.3=DAT счастье=NOM желать=PRES=1Sg
 ‘Всем им желаю счастья.’

Прямое дополнение, находящееся непосредственно перед сказуемым, может быть частью темы, тогда оно получает аккузативное маркирование. Тематизация прямого дополнения «отдаляет» его от обычно рематизированной группы сказуемого, поэтому ключевую роль в пользу маркирования, вероятно, играет утрата коммуникативного единства, вызывающая необходимость маркировки синтагматических отношений объекта и предиката.

(25) тув. *Телеграмманы силгивишаан*. [Бюрбю 1973: 393]

телеграмма=ны силги=вишаан

телеграмма=АСС трясти=CV

‘Телеграмму тряс [ответила].’

(26) хак. *Олар чазыдагы атысты искеннер*. [Доможаков 1975: 25]

олар=Ø чазыдагы атыс=ты ис=кен=нер

они=NOM степной выстрел=АСС слышать=PP=3PL

‘Они выстрел в степи слышали.’

Если именная группа в позиции прямого дополнения находится в теме, она чаще имеет определенный референциальный статус, однако случаи, когда именная группа имеет неопределенный или нереферентный статус, достаточно частотны. Они употребляются в теме, например, в поучениях, поговорках и пословицах, в своем родовом, сигнификативном значении. Прямое дополнение получает аккузативное маркирование.

(27) тув. *Тудугну эгелээр бетинде баштай-ла бок-сакты аштан кааптар болгай* [«Шын», 26 июня 2014, № 76: 3]

тудуг=ну эгелэ=эр бет=ин=де баштай-ла

стройка=АСС начинать=PrP перед=POSS.3=LOC сначала=PRTCL

бок-сак=ты ашта=п ка=апт=ар бол=гай

мусор=АСС чистить=CV AUX:оставлять=PERF=PrP AUX:быть=OPT

‘Перед тем как стройку начинать, необходимо ведь сначала мусор почистить.’

(28) хак. *Саайны сагыбачаң, Киненні китебечең*. [Хыйға сөс 2021: 14]

саай=ны сағы=бачаң кинен=ні ките=бечең

несчастье=АСС ждать=PART.NEG неудача=АСС отслеживать=PART.NEG

‘Несчастья не ждут, Неудачу не отслеживают.’

При порядке слов OSV группа прямого дополнения занимает начальную позицию и обычно является темой высказывания. В таком случае прямое дополнение обязательно маркируется аккузативом.

(29) тув. *Орукту мен айтып бээр мен*. [Монгуш 2012: 16]

орук=ту мен=Ø айт=ып бэ=эр мен

дорога=АСС я=NOM показывать=CV AUX:давать=PP 1Sg

‘Дорогу я покажу.’

(30) хак. *Оларны харға-саасханнар үдес чӧргеннер.* [Тиников 1982: 21]

олар=ны харға-сааскан=нар=Ø үдес чӧр=ген=нер
они=ACC ворона-сорока=PL=NOM провожать AUX:ходить=PP=3PL
'Их провожали вороны-сороки.'

При порядке слов SVO тематическое прямое дополнение выносится за сказуемое.

(31) тув. *Кым эгеледи ону?* [Бюрбю 1973: 546]

кым=Ø эгеле=ди о=ну
кто=NOM начинать=PAST это=ACC
'Кто это начал?'

(32) хак. *Мин пӱлбинчем ол киректӱ.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 5]

мин=Ø пӱл=бинче=м ол кирек=гӱ
я=NOM знать=PRES.NEG=1Sg тот дело=ACC
'Об этом деле я не знаю.'

Порядок слов OVS не нарушает стандартного порядка следования компонентов объектно-предикатной синтагмы, поэтому прямое дополнение может иметь и аккузативное (пример 33), и номинативное (пример 34) оформление. При этом подлежащее сохраняет топикальность.

(33) хак. *Анзын (чохыр ниме – ол адай) хаңылааннаң іле танып салган ирен.* [Доможаков 1975: 12]

ан=зы=н чохыр ниме=Ø ол адай=Ø хаңыла=ан=наң
тот=POSS.3=ACC серый вещь=NOM этот собака=NOM скулить=PP=INSTR
іле тан=ып сал=ған ирен=Ø
отчётливо узнавать=CV AUX:класть=PP мужчина=NOM
'То (что серое – это собака) по визгу легко узнал мужчина.'

(34) хак. *Ам, таллап-таллап, оолгына ах халтар ат тут пирген Оспа.* [Хакас чонының кип-чоохтары 1990: 12]

ам талла=п-талла=п оолг=ын=а ах халтар
теперь выбирать=CV-выбирать=CV сын=POSS.3=DAT белый мухортый
ат=Ø тут пир=ген Оспа=Ø
лошадь=NOM поймать AUX:давать=PP Pers=NOM
'Теперь, поискав-повыбрав, Оспа поймал сыну бело-мухортого коня.'

При порядке слов VSO и VOS за сказуемое выносятся и подлежащее, и прямое дополнение. Ремой является глагольная группа за исключением прямого дополнения, которое вместе с подлежащим составляет тему высказывания. Тематическое прямое дополнение оформляется аккузативом.

(35) хак. *Холға киріп алам мин самурайымны.* [Шулбаева 2006: 218]

хол=ға кир=іп ал=а=м мин=Ø
рука=DAT загонять=CV AUX:брать=PrP=1Sg я=NOM

самурай=ым=ны

самурай=POSS.1Sg=ACC

‘К рукам приберу я своего самурая.’

(36) хак. *Кем піледір, хайди-хайди көрерлер мында оларны орындағы чон...*
[Доможаков 1975: 24]

кем=Ø піл=едір хайди-хайди көр=ер=лер мында
кто=NOM знать=PrP как-как смотреть=PrP=3PL здешний

олар=ны орындағы чон=Ø

они=ACC местный народ=NOM

‘Кто знает, как на них посмотрит здесь местный народ.’

Во втором разделе «Синтагматические отношения в рамках именной группы в позиции прямого дополнения» рассмотрено маркирование прямого дополнения как вершины определительной синтагмы.

В тюркских языках именные определительные сочетания делятся на детерминативные и посессивные. По структуре детерминативные определения могут быть простыми и сложными.

Имена, определяемые простыми определениями, выраженными качественными и относительными прилагательными, существительными, числительными, причастиями, местоимениями (кроме указательных и определительных местоимений и местоимений в родительном падеже), оформляются и номинативом, и аккузативом, поскольку выполняют характеризующую, а не идентифицирующую функцию. Доля маркированных прямых дополнений в тувинском языке составляют примерно 34 % случаев. В хакасском языке этот показатель равен почти 42 %.

(37) тув. *Улуг чооганы кешкеш, Буян бедик тей кырынга үнүп келген.* [Кудажы 2002: 10]

улуг чоога=ны кеш=кеш Буян=Ø
большой ложбина=ACC переправляться=CV pers=NOM
бедик тей=Ø кыр=ын=га үн=үп кел=ген
высокий холм=NOM верх=POSS.3=DAT выходить=CV приходить=PP

‘Перейдя большую ложбину, Буян взошел на высокий холм.’

(38) хак. *Мин идөк, трактордаң түзіп, иргі коопты харапчатхабын.* [Тиников 1982: 5]

мин=Ø идөк трактор=даң түз=іп иргі кооп=ты
я=NOM также трактор=ABL сходить=CV старый канава=ACC
хара=пчатха=бын
всматриваться=PART=1Sg

‘Я также, спустившись с трактора, рассматривал старую канаву.’

При сочетании со сложными определениями, выраженными словосочетаниями или сочетаниями двух или более простых определений, вероятность конкретизации и индивидуализации определяемого объекта, его топикальности возрастает, соответственно, процент маркировки прямых дополнений аккузативом становится выше: прямые дополнения, сопровождающиеся сочетанием определений, в тувинском языке маркируются аккузативом в 56 % случаев, в хакасском – в 64 %; с определением-словосочетанием в тувинском языке – в 83 % случаев, в хакасском – в 81 % случаев; с причастным оборотом в тувинском языке – в 96 % случаев, в хакасском языке – в 93 % случаев.

Таким образом, прямое дополнение с детерминативными определениями не требуют обязательного оформления аккузативом. Однако маркированные аккузативом именные группы чаще находятся в теме высказывания, а определения выступают средством топикализации, устанавливая связи между определяемым объектом и предыдущим контекстом или дискурсивной ситуацией.

Прямое дополнение может являться вершиной посессивной конструкции, состоящей из двух именных членов: прямое дополнение обозначает предмет обладания (посессум), а зависящий от него компонент – обладателя (посессор). Посессор оформляется номинативом или генитивом, посессум – номинативом или аккузативом.

Маркер аккузатива обязателен, если в позиции прямого дополнения находится изафетная конструкция 3-го типа (далее ИК3), где посессор принимает показатель генитива, а посессум – лично-притяжательный аффикс (с посессором в 3-м лице в номинативе не употребляется):

(POSSR=GEN) POSSM=POSS.3=ACC

(39) тув. *Акым Бежендейниң арнын көөрүмге...* [Тока 1951: 8]

акы=м=Ø Бежендей=ниң арн=ы=н
 брат=POSS.1Sg=NOM Pers=GEN лицо=POSS.3=ACC
 кө=өр=үм=ге
 смотреть=PrP=1Sg=DAT

‘Когда я смотрю на лицо своего брата Бежендея...’

(40) хак. *Пу хабахтың ахсын кем асхан?* [Хулғалар 1991: 19]

пу хабах=тың ахс=ы=н кем=Ø ас=хан
 этот водка=GEN крышка=POSS.3=ACC кто=NOM открывать=PP

‘Кто открыл эту водку?’

Аккузативное маркирование посессора ИК3 обусловлено актуальным членением предложения: в таких случаях ИК3 находится в теме высказывания как данное. Кроме того, выбор в пользу аккузативного маркирования определяется одушевленностью референта именной группы, линейной отдаленностью компонентов ИК, наличием дополнительных определений. Такой же набор факторов релевантен для выбора генитивного маркирования посессора. Вероятно, обязательность аккузативного маркирования ИК3 в форме 3-го лица в позиции прямого дополнения объясняется тем, что факторы, определяющие выбор генитивного маркирования посессора, отделяют прямое до-

полнение от сказуемого, вследствие чего требуется согласование синтагматических отношений между ними. Соответственно, обязательность аккумулятивного маркирования прямого дополнения связана со свойствами посессора.

Маркированность посессума в позиции прямого дополнения с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лиц вариативна, при этом посессор всегда является определенным по признаку принадлежности говорящим, поэтому маркирование не зависит от определенности и неопределенности и других свойств посессора: POSSR=GEN POSSM=POSS1,2=NOM/ACC.

Аккумулятивное маркирование связано с топикальным статусом референта посессума: значимостью роли именной группы в конкретном высказывании или в дискурсе целом, одушевленностью. Номинативом оформляются именные группы, имеющие нетопикальный коммуникативный статус, сохраняющие определенную синтаксическую и коммуникативную спаянность со сказуемым. В целом выбор падежного маркирования прямого дополнения определяется свойствами самого посессума.

(41) тув. ...көске холуң чидиртип ап-тыр сен. [Тока 1951: 11]

көс=ке	хол=уң=Ø	чидирт=ип
горящие угли=DAT	рука=POSS.2Sg=NOM	обжигать=CV
а=п-тыр	сен	
AUX:братъ=PAST.EVID	2Sg	

‘Разорвав наш жалкий аркан, доползши до огня, ты обжег свою руку, оказалось.’

(42) хак. Сөзім пирчем. [Хулғалар 1991: 6]

сөз=ім=Ø	пир=че=м
слово=POSS.1Sg=NOM	давать=PRES=1Sg

‘Даю свое слово.’

(43) тув. Оглуңну барып кургагла. [Серен-оол 1995: 9]

огл=уң=ну	бар=ып	кургаг=ла=Ø
сын=POSS.2Sg=ACC	идти=CV	сухой=VRBLZ=IMP

‘Иди, поменяй сыну пелёнку.’

(44) хак. [Сала маңзыри арыг аразында, от өскен чирлер көргөп], адымны аргамчылап салдым. [Боргояков 2008: 18]

ад=ым=ны	аргамчыла=п	сал=ды=м
лошадь=POSS.1Sg=ACC	привязать=CV	AUX:отпускать=PAST=1Sg

‘[Быстро просмотрел травянистые места в лесу,] привязал своего коня арканом.’

В позиции прямого дополнения вариативное маркирование посессума характерно также для изафетной конструкции 2-го типа (ИК2), где посессор не маркирован генитивом, а посессум содержит маркер посессивности 3-го лица: POSSR=Ø POSSM=POSS.3=NOM/ACC.

Маркированность посессума зависит и от свойств посессора, и от свойств посессума. Аккузативное маркирование получают и определенные, и неопределенные ИК2. Маркированность посессума ИК2 в позиции прямого дополнения зависит от топиальности посессора или тематического статуса всей именной группы независимо от определенности и неопределенности референта.

(45) тув. *Кызыл чалбыыш Барык унун шыва берген турган.* [Кудажы 2002: 10]

кызыл	чалбыыш=Ø	Барык=Ø	ун=у=н
красный	пламя=NOM	Барык=NOM	русло=POSS.3=ACC
шив=а	бер=ген	тур=ган	
покрывать=CV	AUX:давать=PP	AUX:стоять=PP	

‘Красное пламя покрыло русло Барыка.’

(46) хак. *Паба-іңем колхоз хойын хадарып пастааннар.* [Тиников 1982: 15]

паба-іңе=м=Ø	колхоз=Ø	хой=ы=н	хадар=ып
родители=POSS.1Sg=NOM	колхоз=NOM	овца=POSS.3=ACC	пасти=CV
паста=ан=нар			
начинать=PP=3PL			

‘Мои родители начали пасти колхозных овец.’

ИК2 в позиции прямого дополнения употребляется в номинативе, если ее референт имеет неопределенный или нереферентный коммуникативный статус и она находится в реме высказывания при контактном расположении к управляющему глаголу и не имеет других определений.

(47) тув. *Орук демдектери тудуп алган болур.* [Серен-оол 1995: 3]

орук=Ø	демдек=тер=и=Ø	туд=уп
дорога=NOM	знак=PL=POSS.3=NOM	держать=CV
ал=ган	бол=ур	
AUX:братъ=PP	быть=PP	

‘Он держит в руках дорожные знаки.’

(48) хак. *Чол пара, пір үгү дее табызы иснеем.* [Боргояков 2008: 20]

чол=Ø	пар=а	пір	үгү=Ø	дее	табыз=ы=Ø
дорога=NOM	идти=CV	один	сова=NOM	PRTCL	голос=POSS.3=NOM
ис=пеем					
слышать=PP.NEG.1Sg					

‘По дороге ни одного крика совы не услышал.’

В **Заключении** изложены основные выводы, полученные в результате исследования.

Если в тюркологии до сих пор превалировала точка зрения, согласно которой в современных тюркских языках винительный падеж служит для выражения объекта глагольного действия и одновременно для указания на его определенность или неопределенность [Гаджиева, Серебренников 1986: 63],

то нам удалось установить, что аккузатив используется для устранения синтаксической омонимии и для эксплицирования синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым. Мы определили и классифицировали все случаи синтаксической омонимии, устраняемые аккузативным маркированием прямого дополнения, и факторы, вызывающие необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым, главным из которых является несовпадение их тема-рематического статуса.

Прямое дополнение обязательно получает аккузативное маркирование для устранения полной формальной и позиционной омонимии подлежащего и прямого дополнения, а также для разграничения имени и его лексико-грамматических вариантов, которые по морфологической характеристике могут быть причастием, наречием, числительным, прилагательным, местоимением и служебными словами.

Именные группы, референты которых занимают в иерархии одушевленности более высокие позиции, чаще получают аккузативное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются чаще немаркированными. Аккузативное маркирование прямого дополнения служит для устранения семантической омонимии, когда требуется разграничение субъекта-агенса и объекта-пациенса с одушевленным референтом.

Прямое дополнение с семантико-прагматическим статусом топикальности получает аккузативное маркирование для различения роли подлежащего и прямого дополнения. Впервые показано, что обязательность аккузативного маркирования личных, указательных, определительных и вопросительных местоимений и имен собственных связана с признаком топикальности и необходимостью устранения семантико-прагматической омонимии между подлежащим и прямым дополнением.

На основе количественных данных и конкретных примеров нам удалось показать, что категория определенности и неопределенности не имеет релевантного отношения к дифференцированному маркированию прямого дополнения. Кажущаяся релевантность данного фактора связана с его отношением к актуальному членению предложения, которое и предопределяет выбор падежного маркирования прямого дополнения.

С синтагматической точки зрения аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках служит для установления синтагматических отношений между компонентами структуры глагольной синтагмы, в которую входит именная группа в позиции прямого дополнения. Стандартный порядок слов в предложении однозначно определяет синтагматические отношения между компонентами синтаксической и коммуникативной структуры высказывания, благодаря чему эксплицитного маркирования прямого дополнения не требуется. Но как только между прямым дополнением и сказуемым образуется линейная, семантическая или коммуникативная дистанция, возникает необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между ними.

Удалось также установить, каким образом дифференцированное маркирование зависит от характера синтагматических отношений между компонентами именной группы, выступающей в позиции прямого дополнения. Как оказалось, некоторые определения в коммуникативном и семантическом плане отдаляют именную группу от глагольного предиката, вызывая необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между именной группой и глаголом.

В тувинском языке аккузативным маркированием прямого дополнения более последовательно устраняется синтаксическая омонимия в паре «наречие – существительное», в хакасском языке такая неоднозначность допускается.

Если в тувинском языке вопросительное местоимение *чүү?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения оформляется только аккузативом, что связано с коммуникативными факторами, то в хакасском языке вопросительное местоимение *нине?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения принимает форму только номинатива, что обусловлено влиянием категории одушевленности / неодушевленности.

В отличие от хакасского, в тувинском языке частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом. Вариант с аккузативным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия, в хакасском языке такие случаи не встречаются.

Основные положения диссертации изложены в ряде публикаций общим объемом 5,66 п. л. в изданиях, рекомендованных ВАК, два из которых входят в базы данных WoS и Scopus:

1. *Ондар Ч. Г.* Падежная маркировка рематизированного прямого объекта в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 221–226 (0,38 п. л.; РИНЦ, ВАК).
2. *Ондар Ч. Г.* Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 143–165 (1,42 п. л.; РИНЦ, ВАК, Web of Science, Scopus).
3. *Ондар Ч. Г.* Вариативное падежное маркирование посессивных именных групп в позиции прямого дополнения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 254–270 (1,01 п. л.; РИНЦ, ВАК, Web of Science, Scopus).

В других изданиях:

4. *Ондар Ч. Г.* Зависимость падежного оформления прямого объекта от семантики именной группы в тувинском языке // Материалы Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», посвященной 50-летию НГУ. Языкознание. Новосибирск, 2011. С. 123–124 (0,13 п. л.).

5. *Ондар Ч. Г.* Влияние актуального членения предложения на выбор падежной формы прямого объекта в тувинском языке // Материалы 50-й юбилейной международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». 13–19 апреля 2012 г. Новосибирск, 2012. С. 152–154 (0,18 п. л.).

6. *Ондар Ч. Г.* Дифференцированное маркирование объекта в изафетных конструкциях 1-го и 2-го лица в тувинском языке // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.) / Отв. ред. А. Г. Кожевникова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. Вып. 22. С. 7–12 (0,38 п. л.; РИНЦ).

7. *Ондар Ч. Г.* Дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке: зависимость от функции и характера определения // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41). С. 154–162 (0,56 п. л.; РИНЦ).

8. *Ондар Ч. Г.* Категория одушевленности и дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России». Новосибирск: Академиздат, 2021. С. 107–110 (0,25 п. л.; РИНЦ).

9. *Ондар Ч. Г.* Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 35–54 (1,35 п. л.; РИНЦ).

Список условных обозначений и сокращений

тув. – тувинский язык; **хак.** – хакасский язык; **=** – границы между морфемами; **Ø** – имплицитное грамматическое значение; **1** – первое лицо; **2** – второе лицо; **3** – третье лицо; **ABL** – Ablative (исходный падеж); **ACC** – Accusative (винительный падеж); **ADV LZ** – форма, образующая наречие; **ALZ** – форма, образующая прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузатив, понудительный залог; **COND** – условное наклонение; **CONJ** – союз; **CV** – конверб, деепричастие; **CV.NEG** – отрицательное деепричастие; **DAT** – датив, дательный падеж; **FUT** – будущее время; **GEN** – генитив, родительный падеж; **IMP** – императив, повелительное наклонение; **INF** – инфинитив; **INSTR** – инструменталис, инструментальный падеж, орудный падеж; **INTJ** – междометие; **ITER** – итератив, многократный вид; **LAT** – латив, направительный падеж; **LOC** – локатив, местный падеж; **NEG** – отрицание; **NOM** – номинатив, основной падеж; **NMLZ** – номинализатор; **OPT** – оптатив, согласительное наклонение; **PART** – причастие; **PASS** – пассив, страдательный залог; **PAST** – форма прошедшего времени =*ды*; **PAST.EVID** – форма прошедшего эвиденциального времени =*(ы)нтыр*; **PERF** – перфектив, совершенный вид; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный показатель; **POSSV** – форма обладания; **Pers** – имя собственное; **POSTP** – послелог; **PP** – форма причастия прошедшего времени; **PRES** – форма настоящего времени; **PrP** – причастие настоящего-будущего времени =*ар*; **PrP.NEG** – отрицательная форма причастия на =*ар*; **PRTCL** – частица; **Q** – вопросительная частица; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **REFL** – возвратный залог; **REP** – многократный вид; **Sg** – единственное число.